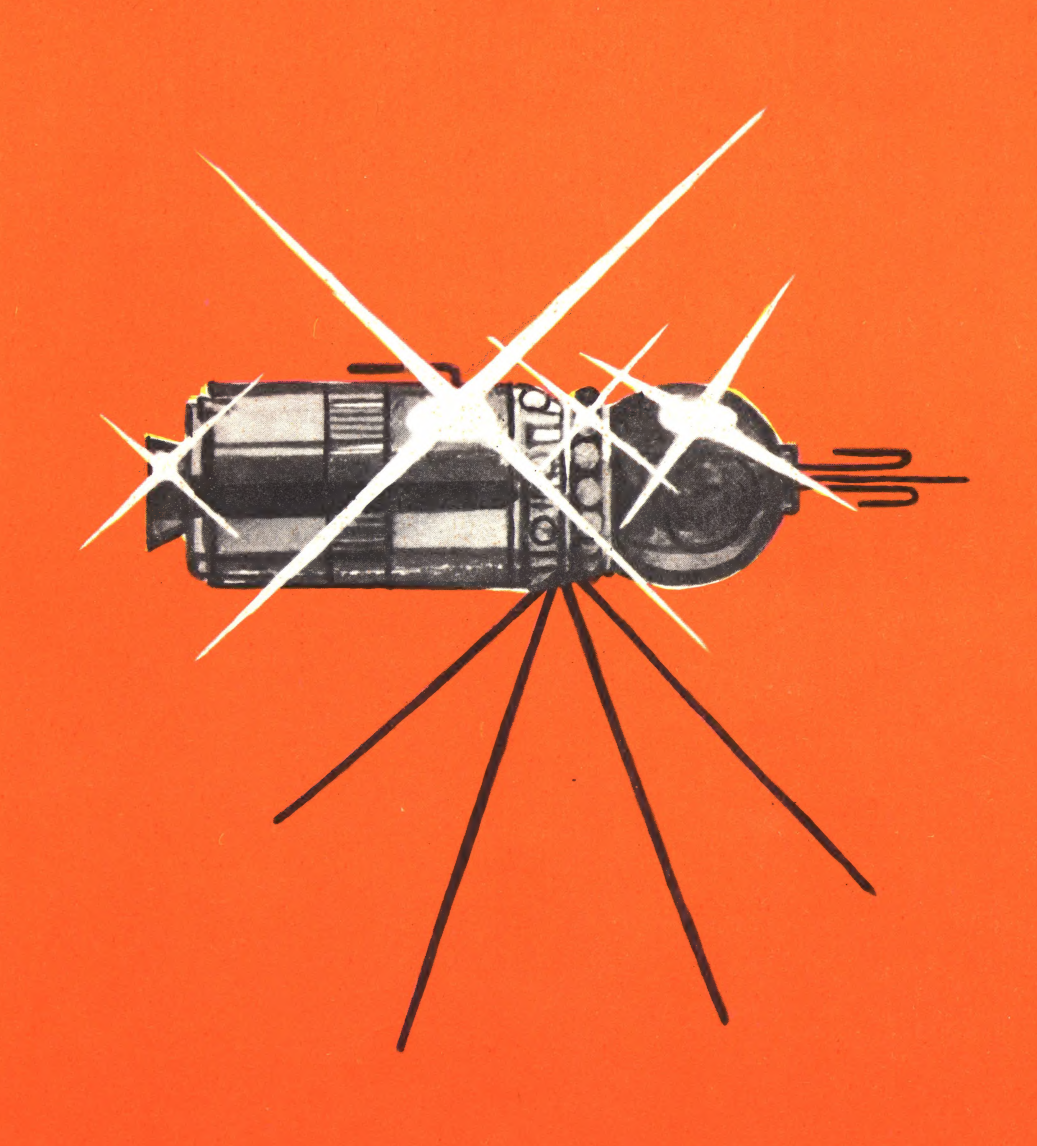
МИХАИЛ ЮХМА

МАЛЬЧИК ИЗ ШОРШЕЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»

МИХАИЛ ЮХМА

МАЛЬЧИК ИЗ ШОРШЕЛ

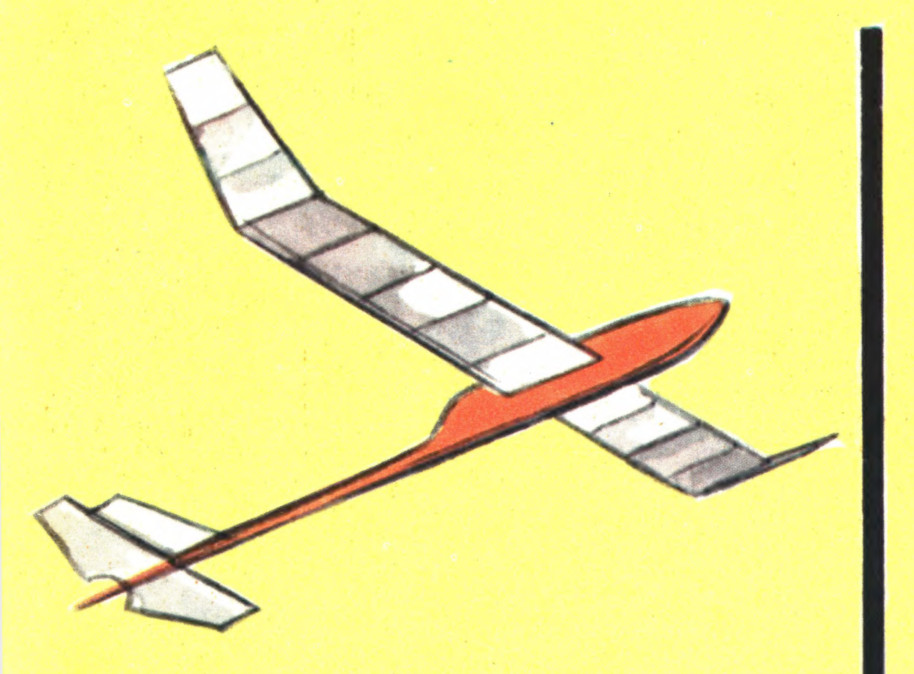
РАССКАЗЫ
О ДЕТСТВЕ
ДВАЖДЫ
ГЕРОЯ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА,
ЛЁТЧИКА-
КОСМОНАВТА
АНДРИЯНА
НИКОЛАЕВА

Перевод с чувашского
В. СИНИЦЫНА

Художник Юрий Копейко

Издательство
«МАЛЫШ»
1975

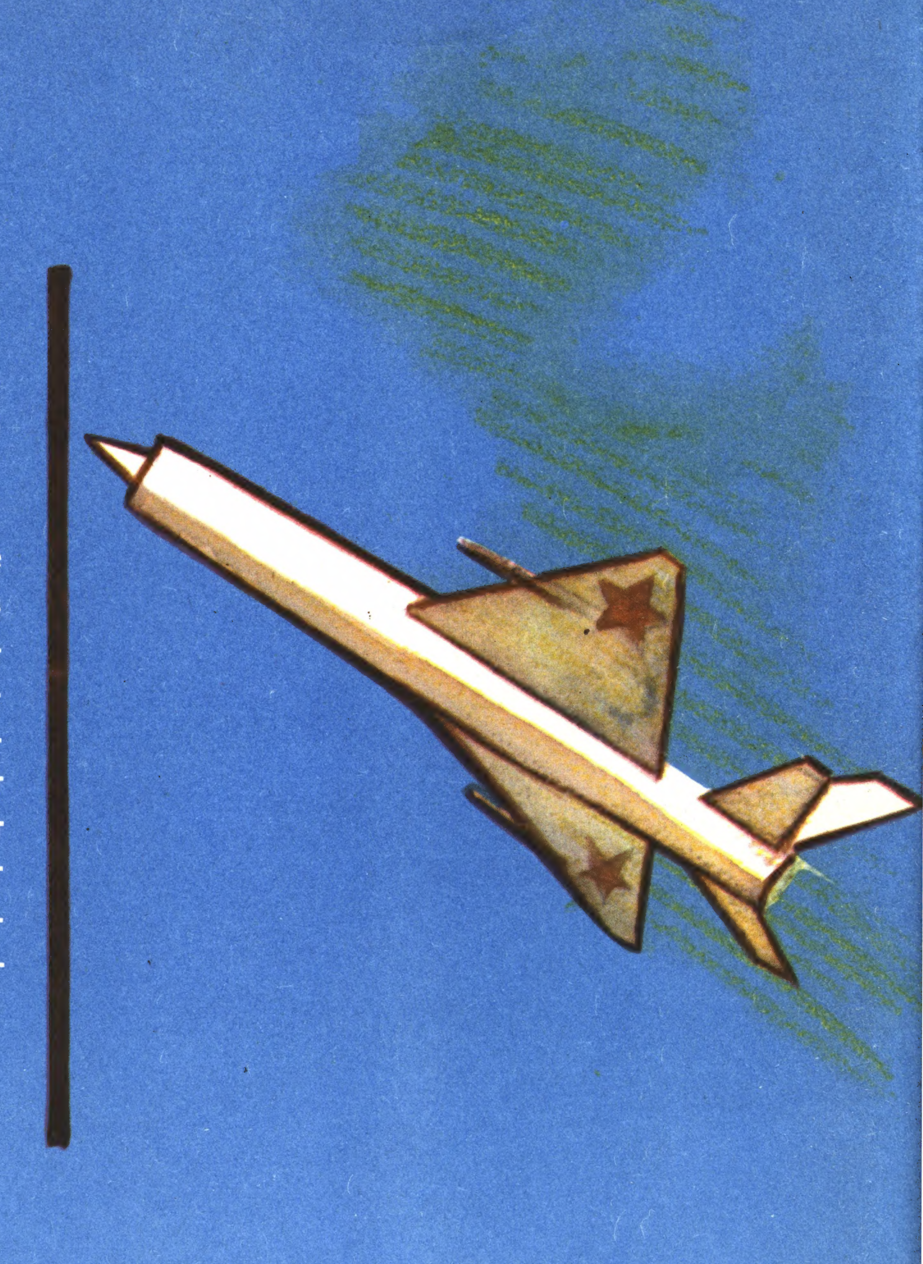

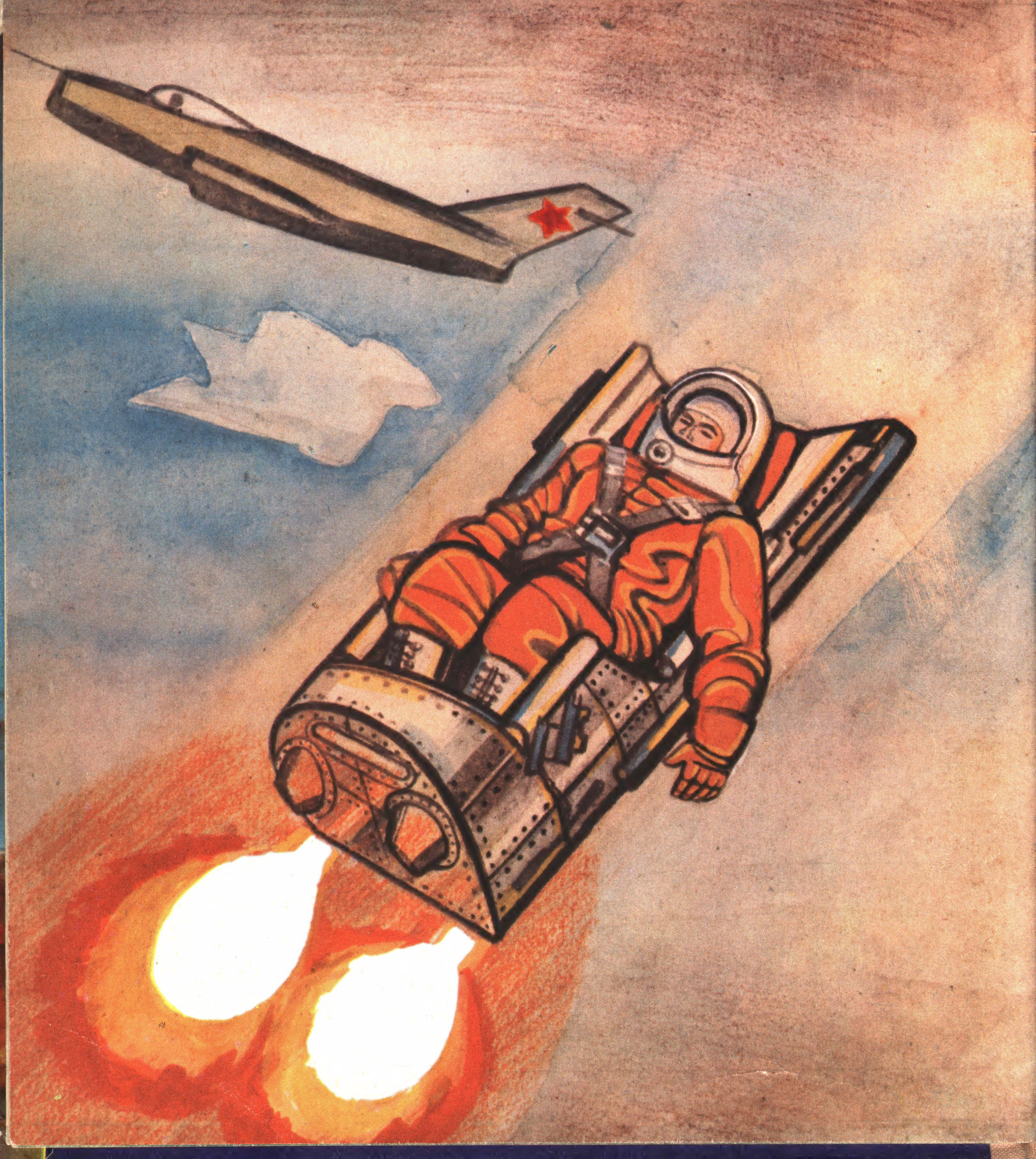
Детство Андрияна Григорьевича Николаева прошло на чувашской земле, среди привольных лесов и полей. Первые детские игры были связаны с мечтой подняться в небо...

Главное дело своей жизни находишь не вдруг, не сразу.

Андриян рос, учился, жил, как и все мальчишки. Окончив лесотехнический техникум, уезжает он работать на Север. Потом его призывают в армию. И вот тут он делает первый шаг на пути к мечте: становится лётчиком-истребителем.

Мужество Андрияна, богатырское здоровье, волевой характер обратили на себя внимание. Он был зачислен в отряд космонавтов. Там всё было необычно! Начались специальные тренировки: на тренажёре, центрифугах, катапультирование в космическом снаряжении из реактивных самолётов.

И снова учёба, снова за книги. Его готовили к полёту в космос.

И вот, вслед за Юрием Гагариным и Германом Титовым, настал «звёздный» час Андрияна Николаева.

11 августа 1962 года он стартовал на космическом корабле «Восток-3». А на другой день был запущен на орбиту корабль «Восток-4», который пилотировал его друг Павел Попович. Четверо суток пробыли в космосе «небесные братья»! И вернулись на землю героями.

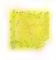
...Прошло семь лет. За эти годы Андриян Григорьевич упорно готовился к новым полётам.

1 июля 1970 года был выведен на орбиту космический корабль «Союз-9». Восемнадцать суток жили и работали в космосе командир корабля Андриян Николаев и бортинженер Виталий Севастьянов.

За этот подвиг Родина наградила Андрияна Григорьевича второй Золотой Звездой Героя!

МИХАИЛ
ЮХМА

Перевод с чувашского
В. СИНИЦЫНА

МАЛЬЧИК ИЗ ШОРШЕЛ

РАССКАЗЫ
О ДЕТСТВЕ
ДВАЖДЫ
ГЕРОЯ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА,
ЛЁТЧИКА-
КОСМОНАВТА
АНДРИЯНА
НИКОЛАЕВА

Художник
Юрий Копейко

Издательство
«МАЛЫШ»
1975

Чувашия — родина Чапаева, легендарного героя гражданской войны.

В Чувашии родился и вырос Андриян Николаев.

Село, где родился космонавт, — Шоршелы. Оно расположено на высоком и красивом месте, на горе.

Обегают гору говорливые живописные речки.

Далеко тянутся поля, сочные луга с цветами, тёмные частоколы лесов.

Течёт под горой полноводная красивая река Цивиль. И Волга рядом!

Но самое примечательное в Шоршелах — родники, бьющие у подножия горы. Холодна их вода и чиста, как слеза. Эти родники и дали название селу — Шоршелы. В переводе на русский язык Шоршелы — Белые (Чистые) Ключи.

Собирая материал о детстве космонавта, я подолгу жил в Шоршелах, гулял по его прямым, ровным улицам... Мне хотелось найти каждого, кто помнил детские годы Андрияна Григорьевича. Потом поехал я в город Марпосад, где в лесотехникуме когда-то учился космонавт.

В Чебоксарах я встретился с братом Андрияна Иваном Григорьевичем, с сестрой Зинаидой Григорьевной и дядей Василием Терентьевичем Черновым. В Чебоксарах работают друзья детства Андрияна — Валерий Никитич Никитин и Николай Иванович Иванов. Все они с радостью согласились мне помочь — рассказать вам, ребята, о детстве Андрияна Григорьевича Николаева.

■

— А есть они, люди крылатые?
— Есть!
— Если есть,— где же?!
— Среди нас. На земле...

(Из чувашских преданий).

Корабль летел в космической мгле. Это был последний виток вокруг Земли.

В иллюминаторе забрезжила вдалеке светлая полоска. Над Москвой и родными Шоршелами давно было утро. Космонавт улыбнулся, вспомнив об этом.

— «Сокол»! — послышалось с земли.— Как слышите? Доложите о самочувствии! О готовности к посадке!

— Всё в порядке! — ответил Андриян. — Системы корабля работают нормально. Съёмное оборудование закреплено. К посадке готов!

— Хорошо, — сказал голос с Земли.— Вас поняли. Ждём на земле!

— До встречи! — ответил космонавт. И снова улыбнулся.

В последний раз он проверил правильность ориентации корабля. Заработал тормозной двигатель и выключился.

Корабль начал входить в плотные слои атмосферы. Космонавт это почувствовал сразу — по исчезновению невесомости и возрастанию перегрузок. Корпус корабля вздрагивал. За иллюминатором веером

сыпались искры — это сгорал слой, защищающий корабль от перегрева. Перегрузки всё возрастали.

После, на земле, космонавт запишет в дневник: «Огонь испытывает металл, а перегрузки — меня. Всё — на пределе! Кажется, что тебе на грудь наложило широченную лапу какое-то чудовище и давит, давит... Стараюсь внушить себе: терпимо, терпимо...»

За иллюминатором корабля неуловимо менялись краски, вспыхивали яркие зарницы. «Как волшебные письмена!» — пронеслось в голове. И Андрияну вспомнилась старинная чувашская сказка о легендарном Улыпе[1]. На невиданном чудо-корабле взлетел он к Солнцу. По преданию Улып являлся внуком Солнца. Чудесным пером написало оно на небе волшебные письмена, и Улып нашёл по ним дорогу...

Прошли считанные минуты. Андриян почувствовал толчок — сработала катапультная установка, — и затем полотнище парашюта распрямилось над головой. Впервые за четверо суток Андриян Николаев покинул свой космический дом-корабль.

Парашют плавно потянуло к земле. Андриян взглянул вниз. Родная земля словно открывала ему свои объятия. Перед ним расстилалась Карагандинская степь.

Вдруг показалось — в каком-то месте блеснула река. «Волга! — подумал Андриян. — Милая, родная река!» Он и сам не знал, почему она пришла ему на память. До Волги было далеко. Но он уже не мог остановить бег памяти: вспомнилась мать, её доброе лицо; брат и сестра, друзья, с которыми он рос, дружил, учился, а потом увидел себя: маленьким мальчиком на тихой улице родных Шоршел. Как давно всё это было!..

[1] Улып — герой чувашских легенд, добрый великан, помогающий людям в беде.

ПЕРВЫЙ ДРУГ

Дядя Андрияна жил на другом конце деревни. Послали однажды к нему Андрияна за колодками для лаптей.

Подошёл он к дому, постучал в окно и крикнул:

— Пачись! Я пришёл. Отец меня прислал.

Андриян поначалу совсем не выговаривал слово «эмпичи». По-русски «эмпичи» означает — «дядя». У него же звучало «пачись».

А рядом с избушкой дяди жил мальчик Вася. Услыхал он, как Андриян зовёт дядю, и стал смеяться.

— Пачись! Пачись! — дразнился Вася.

Андриян нахмурился, но промолчал и пошёл домой.

Дома по двору ходит, за столом сидит — губы шевелятся, про себя что-то шепчет.

— Ты что, сынок, молитву какую разучиваешь? — засмеялась Анна Алексеевна.

— Учу, — ответил Андриян. — Слово одно учу!

Прошло какое-то время, Андриян сам напросился к дяде. Идёт по улице, а Вася бежит следом и кричит на всю улицу.

— Пачись, а пачись! Куда идёшь, пачись?

Андриян было остановился — осадить обидчика, но передумал. А Вася опять за своё.

— Да как ты смел на нашу улицу прийти? Пачись, ты что язык проглотил?

Ох и разозлился Андриян. Р-раз! — повернулся и пошёл на Васю. Тот этого не ожидал. Отшатнулся, прыгнул в сторону. «Ударит!» — испуганно подумал он.

Но Андриян не ударил. Вспомнил он слова Лизы-аппа, любимой тётки. «Обидеть кого, — говорила она, — дело нехитрое. Злой человек, говорят в народе, и кошку через дорогу не пропустит. Сдержать себя — это главное».

Смотрит Андриян, а глаза у Васи настороженные: думает, Андриян драться полезет. Стало Андрияну смешно.

— Вася, — сказал Андриян. — А я научился говорить. Не веришь? Вот, слушай. Эм-пичи... Эм-пичи! — твёрдо произнёс Андриян. — Хочешь, ещё повторю?

Вася опустил голову, ногами в пыли перебирает, стыдно ему стало.

Идёт Андриян обратно, а Вася в сторонке на траве сидит, ждёт его.

— Ондрейка́! — позвал Вася. — Я больше не буду дразниться. Честное слово! Будешь со мною дружить?

Маленького Андрияна все в деревне звали — Ондрейка́. Ласково, приветливо.

Андриян подумал, подумал и говорит:

— Ладно, давай дружить. Я только домой сбегаю и вернусь. Знаешь, какую я игру выдумал?

— Какую? Скажи! — обрадовался Вася.

— Скажу. Домой сбегаю, меня мама ждёт. И расскажу.

— Ты приходи, — сказал Вася. — Обязательно. Ладно, Ондрейка́?

— Приду, — заверил его Андриян и побежал по улице. Оглянулся — Вася вслед ему смотрит, даже на другую сторону перебежал, чтобы лучше видеть.

Вот так они и подружились.

ДЕРЕВО-КИРЕМЕТЬ

Осень.

Злой прохладный ветер скачет по улицам, гнёт верхушки деревьев, сметая с них жёлтую листву, рассеивая её по земле. Зарядит надолго мелкий, заунывный дождь. Земля на улицах и дорогах раскиснет; кругом грязь, слякоть.

Собрались соседи в доме Николаевых. Одна старушка за

солью пришла, другая — заварки на чаёк попросить, а третья зашла просто так, следом.

— На берегу реки дерево-киреметь знаете? — спрашивает одна. — Ой, какое злое! Сколько лет никому ничего не прощает!

— Верно, верно, — закивала другая. — Бабушка Сахвине шла вечером, да сбилась с пути, прошла под ним. Так что вы думаете? Слегла, да так и не встала. Помните?

— Она очень поздно шла, — вступает третья. — А по ночам у дерева-киреметь одни колдуньи собираются. Не дай бог, такое увидеть! Хвостатые, с рогами, на мётлах сидят... Сахвине удар и хватил! Боюсь я теперь там ходить...

У шестилетнего Андрияна глаза слипаются. Так спать хочется!

А когда о дереве-киреметь услыхал и про сон забыл. Глазёнки разгорелись, так и бегают. Даже рот раскрыл от удивления.

Спустилась ночь.

Старушки разошлись по домам.

Анна Алексеевна стала детей спать укладывать. Разобрала постель мальчикам. Ваня заснул на лавке. Мать его на кровать перенесла. Говорит Андрияну:

— Иди, сынок. Ложись-ка спать!

А ей никто не отвечает.

— Андриян! — удивилась Анна Алексеевна. — Где ты?

Смотрит — нет его в избе.

На двор выбежала — и там нет.

«К соседям, что ль, ушёл?» — подумала она.

Но и у соседей Андрияна не оказалось.

В доме Николаевых всполошились. Проснулся отец, поднялся с лежанки. Наспех оделся.

— Куда же он мог подеваться? — спрашивает жену.

Анна Алексеевна только руками развела.

Вдруг дверь скрипнула. Глядят — Андриян. Весь всклокоченный, сырой глиной и землёй перепачкан. А лицо — хмурое, недовольное. Губы обиженно сжаты.

Мать бросилась к сыну, подхватила на руки.

— Где ты пропадал? — строго спрашивает отец. — С матерью чуть плохо не стало. А ты?..

— Я к дереву-киреметь ходил, — сказал Андриян. — Колдуний посмотреть. Никого там нет! Врут всё!..

— Ах, тур-тур! — испугалась Анна Алексеевна. — Это ночью-то? Один?

— Хотел посмотреть, — говорит Андриян, — как они на мётлах летают.

— Ах, чтоб тебя! — засмеялся отец и полез на печку.

Вскоре в избе всё стихло.

АЭРОПЛАН

Мать и отец весь день на работе, а Андриян и Ваня сидят дома.

Пришли как-то ребята и говорят Ване: «Пойдём на Цивиль?»

— Зачем? — спрашивает Ваня.

— Да так, — отвечают ребята. — Пойдёшь?

Андриян услышал, что ребята на Цивиль идут, тоже хочет пойти, смотрит на Ваню: возьмёт его или нет?

— Можно, и я пойду? — робко спросил Андриян.

— Пусть идёт, — кивают Ване друзья.

— Хныкать будет, — тянет Ваня.

— Нет, не буду.

— Ну ладно, иди, — согласился Ваня. — Ну, гляди! Мы к самому Цивилю идём. Отстанешь, лучше не реви!

— Не заплачу!

Ребята перелезли через изгородь и побежали на Нижнюю улицу. Кричат, руками размахивают, про Андрияна и думать забыли. А он за ними изо всех сил бежит. Штанишки сползают, мешают, — остановился их подтянуть, а ребята не ждут — бегут дальше. Хочется Андрияну захныкать, да вспомнил своё обещание — и молчит. Семенит из последних сил. Так и не отстал.

Миновали Нижнюю улицу. Тут забор стоит от скота. Перелезли через него, вышли в поле.

Никогда так далеко от дома не бывал Андриян! Поле засеяно рожью. Зелёные колосья наливаются соком, начинают желтеть. Дует ветер, и по огромному полю волнами расходится рожь, кивая усатыми головками-колосьями, точно здоровается и приглашает войти в её заросли. По берегу Цивиля стоят деревья — ивы. Ветер промчится по ним, и листья то серебром сверкают на солнце, то потемнеют, точно

тень на них набежит. Нет, не видел ещё такого Андриян! Какое приволье, дух захватывает!

Ребята с Ваней собрались в кружок, о чём-то горячо спорят. А Андриян в густоту ржи косится. В её зелени там и тут видны россыпи цветов. Белые, голубые, жёлтые. Такие яркие, красивые цветы! Вот бы ему цветов нарвать. Боится он в рожь идти. Ребята кончат спорить и убегут, а его оставят. Ладно, хотя бы один цветок достать. Приглядел Андриян мохнатый, крупный, красный цветок. Полез за ним, уклоняясь от колких метёлок ржи. Только руку протянул — загудело что-то над головой.

Из-за облаков, оглушив рёвом, вынырнула серебристая машина и понеслась в сторону деревни Магась.

— Аэроплан! Аэроплан! — закричали ребята.

Берег Цивиля, на котором виднеются домишки деревни Магась, — высокий. Отсюда кажется, что за деревней Магась земля сходится с небом. Самолёт всё приближался к этой линии, и чем дальше он летел, тем глуше становился звук мотора, тем — как казалось ребятам — самолёт ниже опускался к земле.

— Садится! Садится!!! — опять закричали ребята. — Бежим! Лётчика увидим!

Ребятишки мгновенно сорвались с места. Каждому хотелось быть первым у самолёта.

Побежал и Андриян. Летит во весь дух! Колосья ржи бьют его по лицу. Попался на пути осот — полоснул по ноге. Но Андрияну не до этого. Все бы ничего, если бы не кочки!

Разбежался Андриян, не остановишь. Не заметил кочку и зацепился ногой — со всего размаху полетел носом в землю. Вскочил — грязь на лице. Но некогда обращать внимание на грязь, на ушиб, на боль — не отстать бы от других, добраться бы до того места, где сядет самолёт. Далеко уже улетел! Вон — точкой повис над деревней Магась!

Самолёт некоторое время был виден, а потом чёрная точка поднялась и скрылась в облаках. Вот тебе и раз! Ребята замерли на месте.

— Не приземлился, — выдохнул кто-то из ребят.

— Ох! Не приземлился, — разочаровался и Андриян.

Опять в кружок собрались, стали спорить — почему, по какой причине не сел самолёт.

— Он места себе не нашёл. Лётчику, — сказал один мальчик, — ему разбег знаешь какой нужен!

— Вот и нет. Ему в Москву нужно срочно, — заспорил другой.

— И не в Москву, а в Чебоксары, — перебил третий.

А Ваня, самый старший, сердился на ребят:

— Надо было быстрей бежать. Лётчик увидел бы нас и сел. Показали бы ему площадку! Мы тут все места знаем. А он — нет. Вот и улетел.

Огорчились ребята, смолкли. Андриян с той стороны, куда самолёт улетел, глаз не сводит.

— Ваня! А как же он летает? И не падает? — спросил Андриян. — Бабочки — вон крылышками машут, воробьи тоже, а самолёт не машет и летит! Почему?

— А-а, бестолковый, — махнул рукой Ваня. — Почему да почему? Летает, и всё тут.

И пошёл обратно в деревню, ребята — за ним. Андриян плетётся сзади, спотыкаясь о кочки, а сам на деревню Магась оглядывается: вдруг самолёт появится и всё же сядет?..

ЛЕГЕНДА О ПИНЕСЛУ

Больше всего на свете любили Андриян с Ваней сказки. Только и ждали того часа, когда мать начнёт рассказывать. А знала их Анна Алексеевна великое множество!

Как-то раз пристали они с Ваней, чтобы мама новую сказку рассказала. Некогда Анне Алексеевне. Обед нужно приготовить, корм скотине задать, а потом на колхозную ферму бежать, — да разве ребята отстанут!

— Ладно. Присаживайтесь поближе к печке, — согласилась она. — Я буду обед готовить и сказку вам рассказывать.

— Только новую, как обещала, — подсказал Андриян.

— Новую... — задумалась Анна Алексеевна. — Просто и не знаю, какую же вам новую? Я уж и не помню, какая из них новая, а какая — старая. Об Азане и Пинеслу́ слышали? Нет? Ну, тогда слушайте. «Жила в одном селении девушка, звали её Пинеслу́. Такая красивая, умная, скромная девушка была. Трудолюбивая. Большая мастерица! Люди на неё не нарадуются. Вот — возьмите имя! Каждому человеку оно не зря дано. У хорошего человека и имя всегда хорошее, так уж это водится. Так и Пинеслу́. Ведь Пинеслу́ — значит сокровище, дра-

гоценность, редкая красота. Она и в самом деле была, как сокровище. И красивая, и пела дивно хорошо. Как запоёт, и старый и молодой замирал на месте. Ах, как забирала песня Пинеслу́! И за это любили её люди.

Не нравилось это ведьмам и колдунам. Стали они думать, как Пинеслу́ с песней разлучить. И придумали. Выкрали девушку из села тайком и занесли на луну. «На луне никто не услышит её песни», — радовались злые колдуны.

И ещё повесили на плечи Пинеслу́ коромысло с вёдрами, наполненными водой. Стоит Пинеслу́, держит на плечах коромысло, а сбросить не может.

— Пускай помучится. Устанет, и петь тогда не сможет! — решили колдуны.

В той же деревне, из которой была Пинеслу́, жил один юноша Азан, или Светлая мечта. Они с Пинеслу́ дружили с детства, а когда выросли, полюбили друг друга. Пропала Пинеслу́ — стал горевать парень. Ходит по деревне, сам не свой. Нашёлся добрый человек, шепнул Азану: унесли колдуны девушку на луну.

— Ах, колдуны, злодеи! Вот что выдумали! — воскликнул Азан, сжав кулаки. — Да всё равно не будет по-вашему! Спасу я тебя, Пинеслу́! Спасу!

С этого дня за́перся у себя во дворе и стал мастерить крылья. Задумал Азан лететь на луну — снять оттуда красавицу Пинеслу́. И сделал он крылья. Красивые, мощные, как у орла. Люди трогали их и удивлялись: из чего они сделаны? Но Азан молчал, не открывал тайну.

Вышел он за деревню в поле, нацепил свои чудесные крылья и взмыл в воздух. Видели люди, как странная, большая птица поднялась в воздух и исчезла за облаками.

Дорога до луны не короткая. Решил Азан держать путь по Хуркайк сьулэ — так по-чувашски Млечный путь, что означает — дорога диких лебедей. О Хуркайк сьулэ существует ещё одна легенда. Говорят, подбили лебедихе крыло охотники, и не смогла она лететь. Стая полетела на юг без неё. А на лету выщипывали лебеди свой нежный пух и бросали комочками, чтобы их подруга, оставшаяся на севере, нашла по ним дорогу. «Поднимусь и я по Хуркайк сьулэ. Надо только подождать, когда луна, обежав землю, приблизится. Тогда и долечу до Пинеслу́», — решил Азан.

Прослышали ведьмы и колдуны, что полетел Азан на луну. Испугались, что он в самом деле вернёт Пинеслу́ на землю. Собрались на совет, стали думать: как ему помешать?

Долго думали. И надумали. Послали ведьму в поле набрать светлячков в траве. Потом поднялась она в небо и на пути Азана расставила ложные светящиеся точки. Азан и сбился с пути...»

— Неужели Азан не долетел до луны? — спросил Андриян у матери.

— Нет, сынок. Не долетел бедный Азан. В старой легенде говорится, что по сей день летает он около звёзд: заблудился и не может найти дорогу ни на луну, ни на землю. Но у сказки есть и конец, — добавила Анна Алексеевна. —

В легенде сказано, что пройдёт много лет, и с земли поднимется батор с крылатым сердцем. Он вызволит Азана из беды: покажет ему дорогу на луну, и прилетят Азан и Пинеслу́ на землю. Вот какой у этой сказки конец, Ондрейка́!..

В это время забурлила в чугунках вода, крышки запрыгали, засвистел чайник на все лады. Не до сказок стало Анне Алексеевне. Ребята, чтобы матери не мешать, во двор ушли. Сели за сараем на бревно. И молчат. Не выходят у них из головы храбрый Азан и красавица Пинеслу́!

— Вот бы мне такие крылья,— сказал Ваня.— Я бы вызволил Пинеслу́!

У Андрияна глаза засверкали. Ведь и он об этом подумал! «Вот вырасту, пойду в лётчики. С командиром договорюсь и полечу на луну»,— решил он. Но брату пока ничего не сказал. Засмеёт ещё! Скажет Ваня: это же сказка, что ты, не знаешь?!

С тех пор Андриян как выйдет вечером на крыльцо только и смотрит на большую жёлтую луну над лесом. Все ищет: не видна ли отсюда девушка-лунянка Пинеслу́?

ПРАЗДНИК НА АЭРОДРОМЕ

Весна в том году была ранняя. Солнце растопило снега, обнажив чёрные проталины. Зашумели вокруг ручьи, вздулись речки. А скоро тёплый степной ветер перелетел через Волгу, прогулялся по полям и лугам — враз высушил пашню, очистил дороги и улицы от грязи. Зазеленела первая травка.

Много раз просили дети Анну Алексеевну съездить с ними на аэродром, посмотреть на самолёты. Анна Алексеевна слышала, что на аэродроме бывает интересно. А тут праздник — Первое мая! Говорят, воздушный парад будет. Ну, она и решилась. Поехали.

Сколько народу пришло на аэродром! Со всех окрестных сёл и деревень собрались люди. И дети, и взрослые, и седобородые старики.

Андриян быстро освоился с новым и шумным местом, глаз не мог оторвать от самолётов, лётчиков. Каждую машину провожал.

— Вот здо́рово! — не уставал он восхищаться. — Смотри, мама! Ничего они не боятся. Какие смелые!

Один аэроплан, поднявшись в воздух, перечертил небо и полетел наискосок над полем. И вдруг из него отделился чёрный комочек, стал падать. Андриян вскочил на ноги.

— Смотрите! Смотрите! — закричал он. — Лётчик упал!

Но в этот момент рядом с чёрной точкой сверкнуло что-то, и вдруг резко распушилось белое кудрявое облачко.

— Парашют! — удивлённо-радостно воскликнул Андриян. — Он с парашютом прыгнул!

И смущённо поглядел на окружающих. Ему показалось, что все подсмеиваются над его горячностью и недогадливостью. Но никто не обратил внимания. Все следили за парашютом. Не успел раскрыться первый, как от аэроплана отделилось ещё несколько чёрных комочков, и над каждым из них вспыхивал белый купол парашюта. Вскоре всё небо

СССР

над полем было усеяно белоснежными бутонами, плавно колыхавшимися в утренних лучах солнца.

Аэропланы, выбросившие парашютистов, приземлились, подрулили к ангарам. Один из лётчиков вышел из самолёта и, сложив рупором руки, громко объявил:

— Внимание! Предлагаем покатать ребятишек! Кто не боится, пусть идёт к самолёту!

Услышав это, Андриян тут же вскочил, но Анна Алексеевна схватила его за руку.

— Ах, тур-тур! Что ты, Ондрейка? Никуда я тебя не пущу! Убиться хочешь? — Она с силой усадила его обратно. — Посмотри на брата! Он старше тебя, а не просится.

Ваня, конечно, с завистью смотрел, как бегут мальчишки к самолёту. Но он знал, что мать побоится пустить их, и только вздохнул. Ничего не поделаешь, надо слушаться.

— Мама! Ну, разреши. Ну смотри, никто не боится! Одна ты. Да не упаду я, — теребил её Андриян. — Нам парашют дадут. Вот увидишь. Пусти...

Но Анна Алексеевна и слушать не хотела. Как ни просил Андриян, она осталась непреклонной.

Андриян с завистью следил за самолётом, поднявшимся с аэродрома и сделавшим большой круг над лесом. «Засмеют меня теперь ребята, — думал он. — Скажут, лётчиком хочешь быть, а тебя на самолёт не пустили. Вон и Вася летает. Теперь всей улице будет рассказывать, а я... я... даже не знаю, что это такое...» И Андриян залился слезами от досады и обиды.

Жалко стало Анне Алексеевне сына, но страх перед неизвестной опасностью пересилил. «Поплачет, поплачет и перестанет», — успокаивала она себя. А Андриян между тем думал: «Всё равно полечу, не в этот, так в другой раз. И с парашютом прыгну. Обязательно. Вот приду домой и что-нибудь придумаю...»

И придумал!..

ПРЫЖОК С ПАРАШЮТОМ

Все взрослые — в поле. Вася и Коля бегут на Цивиль. Вчера они нарезали удочек из прутьев и припрятали в кустах.

Вдруг раздался протяжный свист.

— Э-эй! — закричал кто-то у них над головой.

Вася с Колей остановились, огляделись по сторонам. Кто свистнул? Никого не видать: ни на улице, ни в соседнем дворе. Мальчишки посмотрели друг на друга, пожали плечами.

— Эй! — снова окликнули их тоненьким голоском.

Кажется, кричат откуда-то сверху.

— Да куда вы все смотрите? Здесь я, на дереве. Наверху.

Вася с Колей посмотрели вверх и рты разинули. На самой макушке огромной ветлы сидел Андриян и махал им рукой.

— Ондрейка́! — крикнул Вася. — Вот здорово! Как это ты туда залез?

— Вот так и залез, — ответил Андриян.

— Сам? — задохнулся от восторга Вася.

— Сам.

— А что ты там делаешь? — удивился Коля.

— А вот увидите — что, — говорит Андриян. — С парашютом буду прыгать.

— С парашютом? С каким парашютом? — ещё больше удивились ребята.

— А вот увидите — с каким...

Откуда-то из-за спины Андриян извлёк матерчатый узелок и принялся его распутывать. Тут ребята увидели, что и в самом деле у него в руках «парашют». Но какой! Андриян разрезал большой белый мешок так, что получился ровный квадрат. Он взял две большие палки, которые втащил за собой на дерево, сложил их крест-накрест, перевязал верёвкой и натянул на них развёрнутую мешковину. Вытащил из-за пазухи верёвки и привязал к концам палок, а болтавшиеся концы соединил вместе и сделал петлю. И парашют был готов.

Весть о том, что Андриян собирается прыгать на парашюте с дерева, облетела всю улицу. В один миг внизу собралась толпа ребятишек. Все они со страхом и любопытством поглядывали на Андрияна, который возился со своим сооружением.

— Да не сумеет. Не прыгнет, — разгорелся спор под деревом.

— А вот, прыгнет! Андриян прыгнет. Это ты, нюня, заберёшься на забор, а спуститься боишься, — горячился голенастый парнишка.

— Я бы тоже прыгнул, — убеждал всех белоголовый мальчик. — Вот Андриян прыгнет, потом я попробую.

— Тише ты! Сейчас он прыгать будет! — зацыкали на него.

Наступила тишина. Слышно стало, как набежавший тёплый ветерок с поля прошелестел по листьям да громко заголосила курица под забором.

Андриян закончил приготовления и, поддерживая свой «парашют» над головой, осторожно шагнул на большой сук. Теперь он был у всех на виду. Посмотрел вниз.

— Ондрейка́! Не прыгай! Расшибёшься! — закричали девочки. Им стало страшно.

— Гляди! Убьёшься! — засомневались и мальчишки.

Есть поговорка: трус свалится даже с печки, а смелый прыгнет и с дерева.

— Эх, у кошки ножки из теста, а мои — из железа! — закричал Андриян и прыгнул.

Кое-кто из ребят аж присел от страха, а девчонки взвизгнули, прикрыв глаза ладошками.

Со страшным шумом затрещали ветки, и вдруг всё стихло.

Перепуганные ребятишки не сразу открыли глаза. Первым очнулся Вася. Сначала он посмотрел под дерево, думая найти там Андрияна, но там никого не было. Потом взглянул вверх. Сук, на котором стоял Андриян, был пуст. Зато нижние ветки гнулись и сотрясались, и тут Вася разглядел в их густоте Андрияна. «Парашют» его зацепился за ветки, и незадачливый прыгун повис, болтая ногами и извиваясь.

— Вон! Вон он! — показал Вася. — За сук зацепился!

— Ой, Ондрейка́! — закричали ребята. — Осторожно, а то сорвёшься. Сейчас мы тебе поможем!

— Не надо! — хмуро ответил Андриян. — Я и сам выберусь.

И точно, он раскачался на верёвках, ухватился за сук, подтянулся на руках и вскоре вскарабкался обратно. Уселся на суку верхом и, надувшись, не отвечая на выкрики ребят, принялся распутывать верёвки.

Так завершился первый в его жизни прыжок с «парашютом».

В селе после этого прозвали его «парашютистом». Но Андриян не обижался.

СТИХИ

Андриян уже ходил в школу.

Как-то им задали читать. А Андриян за весь вечер не раскрыл книги. На прошлом уроке он получил «отлично» и подумал, что учительница больше его не спросит.

Как нарочно, ребята плохо читали. Рассказ был трудным. И учительница вызвала Андрияна.

— Пожалуйста, Андриян, слушаем тебя, — сказала она.

Андриян смутился, но признаться, что он не читал рассказ, у него не хватило духу. Кое-как начал он одолевать текст.

— Постой, — остановила его учительница, — выходит, и ты не приготовил?! Вот уж не ожидала! Ну, ладно. Садись.

Андриян не помнил, как сел за парту. Было так стыдно — хоть сквозь землю провалиться!

В каникулы он решил как можно больше читать.

Однажды старший брат Ваня принёс из библиотеки книги. Он подозвал Андрияна и дал ему одну.

— Почитай. Это стихи.

— Стихи? — спросил Андриян. — Чьи?

— А ты почитай, — сказал Ваня.

Андриян пожал плечами, раскрыл книжку. Начал читать. И с первых же строк его точно заворожило! Казалось бы, так просто и неожиданно стояли разные слова рядом, а выходило удивительно хорошо, как в песне. «Сядь со мною, старина! Вспомни-ка, земляк», — обращался поэт к читателю. Казалось, какой-то пожилой, мудрый человек доверчиво и просто разговаривает с Андрияном. На обложке Андриян прочёл: Мишши Се́спель.

«Наверное — решил Андриян, — Се́спель был пожилой, старый уже человек?» И ещё больше удивился: с фотографии на него смотрел совсем молодой поэт! Почти юноша! Когда же он написал стихи?

В избе Андрияну мешали. Шалила сестрёнка, мать её журила. Трещали дрова в печке. Андриян схватил книжку и выбежал на улицу.

Вечерело. В природе всё будто замерло перед тёплой весенней ночью. Покойно свернулись в небе облака. Белая дымка плыла от реки над садами. Над крышами носились стрижи, вылавливая мошкару.

Андриян забежал за дом и бросился на траву у забора. Здесь ему никто не мешал. И снова открыл книгу.

Облака проходят, облака...
Сиротлива степь и широка.
Наступает вечер. Ветер. Пыль.
До земли склоняется ковыль...

Набежал ветерок, качнулась под его порывом густая крапива. У амбара поднялась пыль, и ветер понёс её на кусты смородины.

«Облака проходят, облака...» Андриян перевернулся на спину и уставился в небо. Ему было чуточку грустно и — хорошо. Впервые в жизни он переживал такое. Сердце стучало, стучало...

В небе висели лёгкие, пышные облачка, похожие на курчавых ягнят. Если приглядеться, они не стоят на месте, а ле-

ниво передвигаются. Вот странно, куда это они плывут? В каком месте окажутся? Андриян засмотрелся...

Вдруг стриж мелькнул перед глазами и помчался ввысь. Андриян поднял голову. Где стриж? Нет, скрылся из виду.

Новый звук привлёк его внимание. Он возник в небе. Точно загудел шмель. Андриян привстал. Самолёт! Чёрная точка вынырнула из-за облаков, сделав крутой вираж, развернулась над деревней и полетела за Волгу. Рядом с облаками самолёт был не больше простой мухи, но как быстро он летел!

Нет, выше всех можно подняться только на самолёте. Вон куда! И как он мчится! Что — облака! За несколько дней не доплывут до Чебоксар, а самолёт — в пять минут. Хорошо быть лётчиком. Хорошо!

КРАСНЫЙ ЛЁТЧИК

Клавдия Ивановна вошла в класс, поздоровалась. Ей ответил нестройный хор ребячьих голосов. Затрещали крышки парт, — класс сел.

— Так, — улыбнулась Клавдия Ивановна. — Что я задавала вам на лето? Кто помнит?

Вырос лес рук.

— Может быть, Аня? — обратилась она к девочке с косичками, сидевшей на первой парте.

— Нам задали читать рассказ «Красный лётчик», — ответила та.

— Правильно, — кивнула Клавдия Ивановна. — Кто читал этот рассказ?

Опять поднялись руки.

— Все!? — засмеялась учительница. — Ну, хорошо. Посмотрим, кто у нас остался «должником» по прошлому году? — Она открыла журнал. — Андриян! Начнём-ка с тебя. Пожалуйста, выходи к доске.

За лето Андриян сильно загорел, вырос, окреп. Сейчас он был спокоен: летом он много читал. Они с Ваней почти каждый день садились за книги. Андриян читал, а Ваня его поправлял. Андрияну никак не давалось произношение мягких и глухих согласных в русском языке. К осени он и сам почувствовал, что читает лучше.

— «Красный лётчик», — прочитал Андриян и перевёл: — «Хэрлэ лётчик».

— Переводить не надо, — сказала Клавдия Ивановна. — Читай по-русски.

Андриян стал читать.

— «Это было в гражданскую войну. Лётчики Красной армии получили из штаба приказ: сменить свой аэродром. Конница врага была близко.

Они вылетели. Но тут началась буря, пошёл дождь. Всё же им удалось посадить аэропланы в назначенном месте. Не было с ними только одной машины. На ней летел молодой лётчик Гуртын.

Гуртын заблудился и сел в тылу у белых. Его заметили казаки. С десяток конников окружили аэроплан. Было темно, и они не разглядели красных звёзд на крыльях самолёта. А Гуртына они приняли за англичанина. Он был одет во френч, сапоги и носил краги. Латыш по национальности, Гуртын по-русски говорил плохо. Казаки рассказали ему, что недалеко от станции располагается штаб белых.

Гуртын не растерялся. Он попросил казаков помочь ему вытащить самолёт. Ему нужна была площадка, с которой он мог бы взлететь. Он завёл мотор и стал двигаться по полю. В это время от железнодорожной станции показался большой отряд белых. Там были офицеры. Они сразу догадались, в чём дело, но Гуртын вырулил на дорогу и птицей взвился в воздух. Через полчаса лётчик был уже у своих».

— Молодец, Андриян! — кивнула Клавдия Ивановна. — Не правда ли, ребята, Андриян хорошо читал рассказ? Ставлю тебе «отлично», Андриян.

Андриян покраснел от похвалы, но глаза его сияли. Улыбаясь, он вернулся за парту. И тут один из мальчиков сказал:

— А я знаю, почему он так хорошо читал!

Клавдия Ивановна удивлённо посмотрела на него.

— Он хочет стать лётчиком, — пояснил мальчик.

Учительница взглянула на Андрияна и спокойно сказала:

— Должна вам сказать, ребята, что прилежание Андрияна приближает эту мечту. Я верю, он её осуществит!

ПЕРВЫЕ КРЫЛЬЯ

Однажды Андриян вернулся домой позднее обычного.

Мать хлопотала у печки. Андриян подошёл к ней, стал рядом и молчит. Анна Алексеевна поначалу даже прикрикнуть хотела — отойди, мол, не мешай. А потом взглянула на сына, а лицо у Андрияна задумчивое, будто улыбается чему-то: хорошее лицо, доброе.

— Что с тобой, сынок? — спросила мать. Дрогнуло у неё сердце.

— Знаешь, мама, сегодня я был в кружке авиамоделистов, — ответил Андриян. — Я тоже стану авиамоделистом. Будем строить планёры, такие маленькие самолёты...

— Самолёты, сынок? — удивилась Анна Алексеевна. — А для чего? Разве они смогут летать?

— Конечно, смогут. Мы будем изучать взаправдашние большие самолёты, а делать свои, модели. Если верно построишь, он полетит, как настоящий.

Анна Алексеевна покачала головой: «Мыслимое ли дело? Хотя, всё может быть. Раз Андриян говорит, значит, так оно и есть. Он уже большой и многое знает». И она ласково посмотрела на сына.

Андриян стал пропадать после уроков в школе. Вечером к нему приходили товарищи. Они что-то чертили, спорили, ссорились, мирились. Андриян натаскал домой узких дощечек, сушил их на печке, потом строгал, чистил шкуркой, клеил, опять сушил и расставлял в особом порядке на своей полке.

Анна Алексеевна осторожно разглядывала эти белые блестящие дощечки и планочки и, вздохнув, отходила.

Так было всю зиму. Потом пришла весна.

В один из дней Андриян сказал матери.

— Мама, завтра у нас соревнования.

На другой день шоршельцы потянулись в поле за деревней. Стояла тихая, безветренная погода. Небо было чистым и бездонно глубоким. Лёгкие облачка появлялись на нём и исчезали.

Авиамоделисты собрались в одном месте. Рядом с ними на земле стояли лёгкие деревянные модели из блестящих планочек и материи.

Анна Алексеевна стояла в толпе односельчан и, как все, с любопытством ожидала начала соревнований. Она искала глазами сына, но не могла найти его среди ребятишек.

Вдруг сдержанный гул прошёл по толпе. От авиамоделистов отделился мальчуган. Он сделал несколько шагов, неся в руках что-то белое и блестящее, похожее издали на странную

неизвестную птицу. Но вот он остановился, а это белое вырвалось у него из рук и, жужжа, поднялось в воздух.

— Летит! Летит! — закричали малыши и побежали следом.

Один за другим выходили ребята и запускали свои модели. И тут Анна Алексеевна увидела сына. Рядом с ним стояли его друзья. Андриян оглядывался, как бы искал кого-то глазами. И было видно, как он волнуется.

Подали команду и Андрияну. Он снова оглянулся на мать. «Ну, ну, сынок, всё будет хорошо. Не волнуйся», — ответили глаза матери.

Андриян в последний раз оглядел модель, опробовал резинку у пропеллера, закрутил его, секунду стоял, держа над головой, и лёгким движением направил модель вверх.

Белоснежный маленький самолёт плавно и ровно набрал высоту, потом выровнился и полетел по прямой линии.

Всё шло хорошо. Но вдруг летящая модель качнулась, сделала крен на крыло и рванулась к земле. Все испуганно вскрикнули. Небольшой порыв ветра, вырвавшийся откуда-то, сбил модель с курса и, того гляди, должен был прижать её к земле. Андриян застыл, не смея оторвать глаз от падающей модели. Когда казалось уже, что аварии не избежать, самолётик снова стремительно взмыл вверх и в плавном красивом скольжении пошёл на посадку, пролетев дальше приземлившихся моделей товарищей Андрияна.

— Вот это да! Ух, летает! Ур-ра, Ондрейка́! — закричали мальчишки и бросились бежать к лесу, где опустилась модель.

Андриян радовался бурно. Он прыгал, обнимался со сво-

ими друзьями. Да и как было не радоваться, когда в первом большом соревновании его модель пролетела дальше всех и заняла первое место!

С поля Андриян шёл с матерью, бережно неся модель. Глаза его блестели.

— Да, да, сынок, — улыбалась Анна Алексеевна. — Я рада за тебя.

Первые крылья! Первый успех в любимом деле! Это помнится долго. Может быть, всю жизнь...

«ИЗОБРЕТАТЕЛИ»

Попалась Андрияну книжка о Циолковском. Читал её не отрываясь. Из неё он впервые узнал о возможности полёта с Земли к звёздам, в другие миры. Мысли, предположения великого учёного захватили Андрияна. Затормошил Ваню, стал ему рассказывать об этой книге. Ваня тоже прочитал её.

— Ну, когда-то это ещё будет! — разочарованно протянул он.

— А давай сделаем свою ракету, а? — предложил Андриян.

— Ракету? — переспросил Ваня. — Как?

У Андрияна уже готов был план. Решили посвятить в свою затею и двух товарищей Андрияна: Лёню и Валерия. Те одобрили, принялись за дело вчетвером.

Сначала раздобыли небольшую бочку. Её прикатил Лёня.

— Вот она и будет корпусом ракеты, — сказал Андриян.

Нутро бочки разделили фанерой на две половины: ниж-

няя должна была служить камерой для топлива. Её забили до отказа мелкими сухими ветками хвои.

— А как она у нас взлетит? — усомнился Валерий. — Откуда появится «толкательная» сила?

— Появится, — сказал Андриян. — Нужен порох.

Порох тоже вызвался достать Лёня. Его старший брат был охотником и держал всякие припасы. Лёня притащил целые две горсти пороха. Теперь всё было готово.

Вечером четыре друга взяли свою ракету и понесли её в овраг Ахта́н.

Приятели умаялись, пока дотащили бочку до оврага. Еле отдышались. Все смотрели на Андрияна. Как будут запускать ракету, никто себе не представлял. Андриян в задумчивости оглядывал склоны оврага. Вдруг он показал куда-то рукою.

— Видите? — спросил он. — Пенёк.

Друзья сразу догадались, чего он хочет. Опять подхватили бочку, втянули её на склон, установили на пенёк.

— Ну, теперь прячьтесь! — приказал Андриян.

Спрятались за ближайшее дерево. Андриян чиркнул спичками, запалил сухие ветки, торчавшие из-под бочки, и отбежал к ребятам. Стали ждать, когда «ракета» взлетит.

— Дыму много, — заметил Валерий.

— Ничего, сейчас до пороха доберётся, тогда жахнет, — потёр руки Ваня.

— Полетит, полетит! — шептал Лёня.

Андриян, дрожа от волнения, ждал. Сам не знал: взлетит ли ракета?

Огонёк добрался, очевидно, до пороха. В бочке что-то зашипело, затрещало и вспыхнуло ярким, сильным пламенем.

Ребята испуганно пригнули головы.

— Ой! — вскрикнул кто-то.

Пенёк и бочка окутались жёлтым вонючим дымом. Из него вырывались языки пламени.

— Полетит, а? Полетит? — настойчиво спрашивал Лёня.

— Может, и полетит, — ответил Андриян.

Долго ждали. Наконец, Ваня высунулся и присвистнул.

— Ну и дела! — разочарованно протянул он.

Ребята выглянули. Вокруг обгоревшего пенька валялись тлеющие головешки, а на срезе дымилась кучка золы. Всё, что осталось от «ракеты».

Опечаленные возвращались они домой. Андриян шёл молча. Иногда он останавливался и начинал говорить о новой конструкции ракеты.

Но ребята устало отмахивались. «Что же мы не додумали в своей ракете, — рассуждал про себя Андриян, — почему она не взлетела?» Порох-то был, топлива они подложили достаточно, а не вышло!

Андриян вдруг засмеялся. Уж очень расстроены у ребят были лица! Совсем сникли.

— Ладно, — пообещал он друзьям. — Ничего, что не получилось. Всё равно мы построим ракету. Честное слово! Вот увидите!

Говорят в подлинном слове — лжи нет.

В главном Андриян не ошибся.

СЛОВО ПИОНЕРА

Пришла пора жатвы.

Тёплая пыль лежит на дорогах.

Палит солнце. На улицах в Шоршелах — тишина. Только квохчут куры, роясь в пыли, и важно бормочут гуси. Да совсем малые ребятишки копаются в земле.

Вот уже второй день все шоршельцы: и стар, и млад — в поле. Жнут рожь. В такую пору мешкать нельзя, а то осыпется хлеб...

Мелькают тут и там в белых, надвинутых на лицо платках, головы женщин, проворно двигаются их руки. Остаются рядами золотисто-жёлтые, перехваченные жгутом, снопы. Жнут серпами. Время военное, техники не хватает.

Рядом с ними — мальчонка лет двенадцати. Смуглый, до черноты прокалённый солнцем, взмокший от пота, с сенной трухой в волосах. Маленький, но крепкий: не остановится, не присядет ни на минуту. В руках у него — тоже серп.

Одна женщина разогнулась, поправляя платок, покосилась на мальчика:

— Ондрейка, отдышись, сынок. Устал, поди...

— Мне нельзя, — ответил мальчик, не поднимая головы.

— Дружки-то твои где? — спросила женщина.

Андриян разогнулся, посмотрел из-за ладони в конец поля.

— На речку побежали. На Цивиль, — ответил он и опять склонился к снопу.

— Беги и ты, — говорит женщина. — Искупаешься. В самый раз!

— Да нельзя мне! — почти с отчаянием отвечает Андриян.

Женщина забыла и платок повязать. Смотрит с удивлением:

— Это почему же нельзя? Что так?

— Лиза-аппа заболела. Я ей слово дал. За неё поработаю.

— Ну и что с того, — сказала женщина. — Поработал немного и хватит. Слово...

— Понимаете? — поднял глаза Андриян. — Я обещал норму её выполнить. — И пошёл дальше, готовя жгут на ходу. Женщины переглянулись.

— Поди ж ты, — вздохнула одна, — норму ему надо дать...

К обеду на их участок приехал бригадир. Он ездил по бригадам, проверял работу. Где просил, где умолял, где настаивал поспешить с уборкой урожая. Охрип от крика. Спрыгнув с лошадёнки, окинул взглядом скошенное поле.

— Ого-го! — воскликнул он, удовлетворённо кивнув. — Да какие же вы молодцы, товарищи!

Женщины засмеялись:

— Да ты посмотри, кто с нами работает!

— Андриян, ты? — удивился бригадир.

— Он за тётку на работу вышел, — подсказала одна из женщин. — И погляди, сколько сжал!..

— Да не может быть, — не поверил бригадир. — Шутите вы, конечно.

— А ты подсчитай, подсчитай. Вот тогда и увидишь, сколько кто сделал! — кричат женщины.

— Уж очень мал, — развёл руками бригадир.

Прошёл он по рядам и удивился. Тридцать кучек — каждая из пяти снопов — набралось у Андрияна, а кое у кого из женщин по двадцать пять до обеда вышло.

— Что тут сказать! — крякнул бригадир. — Ай да ребята у нас растут! Старших перегоняют. Вот не думал. Ну, хватит, Андриян. Твоя норма сделана.

— А Лиза-аппа работала бы до вечера? — спросил его Андриян.

— Лиза? — переспросил бригадир. — Конечно, работала бы, а что?

— Значит, и мне нужно работать, — ответил Андриян. — Я ей слово дал.

СЛУЧАЙ НА ДОРОГЕ

Была глубокая ночь. В морозном небе ярко блестели звёзды. До рассвета ещё далеко. Чернеет лес. Тишина — ни звука. Только хрустит снег под ногами.

По дороге идут трое подростков. Дорогу замело, и они то и дело проваливаются по колено. Остановятся, ищут дорогу. Это шоршельские ребята идут в город Марпосад в техникум.

От Шоршел до Марпосада — пятнадцать километров. И всё же — зимой, осенью — каждую субботу ребята возвращаются в деревню. Дома у них — мамы, бабушки, сёстры. Мужских

рук не хватает. А в понедельник — обратно в город. Собираются затемно — по двое, по трое — и в дорогу, чтобы успеть к занятиям.

Передний мальчик вдруг остановился.

— Что? Что случилось? — спросили его товарищи.

— Смотрите! — сказал он, вытянув руку. — Смотрите!

Два его приятеля замерли. Далеко в снегах вспыхнули яркие блестящие точки и погасли. Потом опять.

— Волки! — прошептал мальчик.

Ребята оторопели. В такое время встреча с серыми хищниками не предвещает ничего хорошего. Они голодны и жестоки. Что делать? Идти вперёд или повернуть обратно? Бежать? От волчьей стаи не убежишь. Страх замер на лицах. Ребята растерянно поглядывали друг на друга.

Вдруг послышались шаги, и из белой полутьмы вынырнули две фигуры. Ребята узнали Николаевых: Андрияна и Ваню.

— Что стали? — окликнул Ваня. — Опоздаем. Пошли!

— Волки! — в голос сказали ребята.

— Волки? Где?

— Вон, смотрите! Глаза светятся.

Андриян и Ваня стали вглядываться. И точно. В полутьме блеснули две точки. Вот ещё, ещё две.

— Видишь, Ондрейка? — спросил Ваня брата.

— Вижу, — ответил Андриян.

— Что будем делать? — спросил Ваня.

Никто ему не ответил. Ваня оглянулся на брата. Андриян хмурился, покусывал губы.

— Ну что делать-то? — опять спросил Ваня.

— Может, вернёмся? — предложил кто-то из ребят.

Андриян положил на плечо Ване руку.

— Погоди, пичче[1], — сказал он. — Не в той ли стороне кладбище?

— Кладбище? — переспросил Ваня и задумался. — Точно. Там. Ну и что?

— Тогда бояться нам нечего. Это не волки. А гнилушки светятся, фосфор — на крестах! — сказал Андриян. — Идёмте. Ну, смелее! — И Андриян зашагал первым.

— А вдруг ты ошибаешься? — засомневался один из подростков.

[1] Пичче — почтительное обращение, тут — старший брат.

— Ошибки тут быть не может. Сами убедитесь.

Ваня посмотрел на брата.

— Пошли! — сказал он.

Андриян шагал не оборачиваясь. Все двинулись следом. Вскоре они вышли к кладбищу. Под белыми шапками снега мирно стояли кресты и ограды. Никаких волков не было.

Ребята начали подсмеиваться над своими страхами, а Андриян, поглядывая на звёзды, ускорял шаг. Боялся опоздать на урок.

ХАРАКТЕР

В этот раз Ване и Андрияну пришлось немало потрудиться во дворе. Нужно было расчистить дорожки, наколоть дрова, сложить их в поленницу. Кончили поздно.

— Пойдём, — сказал Ваня. — Надо ещё позаниматься.

Вошли в дом. Сели за стол друг против друга. Надо полистать конспекты лекций, порешать задачи, повозиться с чертежами. Не просто быть студентом техникума.

В доме тишина. За окном — мороз. От белой печки течёт тепло. Стучат ходики на стене. Анны Алексеевны нет дома. Она — на ферме. Дежурит. Лиза-аппа уложила младших. Потом улеглась сама. Мирно светит лампа. Братья склонились над книгами. Ваня поднял голову.

— У меня всё, — потянулся он. — Как ты? Много ещё?

— Да вот, надо посидеть над задачкой.

— Помочь? — спросил Ваня.

— Нет, пичче, — ответил Андриян. — Самому хочется добраться до решения. Ложись-ка. И так устал. Я ещё немного посижу.

Ваня лёг и быстро заснул. Сколько спал, не знает. Проснулся — Андриян сидит за столом, всё пишет.

— Который час? — спросил Ваня. — Не получается?..

— Тс-с... — приложил палец Андриян. — Я всё. Едва справился. Вот перепишу и лягу. Ты спи.

— Уже светает, Ондрейка! — удивился Ваня. — Когда же спать?

— Не беспокойся, высплюсь, — улыбнулся Андриян. — Ладно. Я сейчас. — И опять склонился над тетрадкой...

В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

Стояла суровая зима 1944 года. Метели, вьюги. От сильных морозов лопались стёкла.

В марпосадском лесотехникуме кончились дрова. Не было их и на складе. Шла война. Учащиеся сидели на лекциях в пальто, в полушубках, в валенках.

После занятий в класс вошёл директор.

— Положение такое, товарищи: дров нет и не будет. Заготавливать их некому. И учиться нужно. И всё же придётся выйти на заготовку дров. Ехать надо за Волгу. Другого выхода нет. Что вы на это скажете?

— Все пойдём на заготовку, — ответили студенты.

Для начала отправили несколько групп. Они взялись расчистить опушку. Потом прибыли остальные и начали валить деревья. Пил и топоров не хватало. Работали попеременно. Те, кому не хватило инструмента, отаптывали снег в лесу, оттаскивали спиленные стволы, руками обламывали сучья. Не стоять же на таком морозе!

Жжёт щёки, нос — холод забирается под одежду. Дышать невозможно. Кажется, в горло попал лёд и распирает гортань. Крупный иней усыпал пальто, полушубки, шапки. Все ходят, точно в белых пушистых колпаках.

Андриян и Ваня со своим новым другом Семёном стояли на распилке. Огромные стволы лежали прямо на снегу.

Дзенькает пила. Тяжело дышат парни. Они распиливают стволы на равные отмеренные части.

Вдруг Сеня, выпустив пилу, покачнулся и сел на снег. Андриян бросился к другу.

— Что с тобой? Что случилось?

— Не знаю. Голова закружилась. Устал, наверное. Передохнуть бы, — сказал он, вставая с помощью Андрияна.

— Ничего. Это бывает. От голода. Пройдёт, — успокаивал его Ваня.

— Тебе нужно отдохнуть. Подожди немного, сейчас всё устроим, — сказал Андриян.

Они с Ваней натаскали крупных веток и мигом соорудили шалаш, присыпав его снегом. Уложили туда Сеню.

— Полежи. Надышишь, будет тепло, как под снегом, — сказал Андриян.

А сами снова взялись за пилу. Вдруг покачнулся и Ваня.

— Тяжело, — попытался он улыбнуться.

— Трудно, — сказал Андриян. — Но там — ещё труднее.

И с силой потащил на себя пилу. Ваня понял: там — значит, на фронте. Он скинул рукавицы, зачерпнул снега, потёр крепко лицо. Оно стало гореть. Усталость вдруг ушла. Андриян улыбнулся.

— Сдюжим, — сказал он Ване.

Рядом их товарищи кололи поленья. Со звоном отлетал колун от смёрзшегося дерева, но штабель рос.

В тот день Андриян с Ваней заготовили много дров. За отличную работу дирекция техникума объявила им благодарность и премировала: братьям вручили кусок ситца на рубашки.

НАПЕРЕГОНКИ

У Марпосада Волга течёт привольно. Противоположный берег еле виден. Широка здесь Волга!

Возле города — пляж. В жаркие дни он переполнен. Студенты не упускали случая позагорать на солнце.

Как-то Андриян со своим товарищем по группе Лёней готовились к экзаменам. Устали и решили сбегать искупаться.

Спустились к реке. У берега плескались ребятишки. Лёня, разглядывая противоположный берег из-под ладони, сказал:

— Я вчера видел, как один человек плыл на ту сторону. Всё-таки страшновато. Через Волгу! Как думаешь?

— Трудно, но не страшно, — ответил Андриян.

— А ты смог бы? — спросил его Лёня.

— Не пробовал, — отозвался Андриян.

— А то поплывём? — предложил вдруг Лёня.

— Без тренировки? — удивился Андриян.

— Ну и что такого! Главное — не терять дыхания, — сказал Лёня. — Давай. Я пошёл.

И Лёня прыгнул в воду. Андриян секунду раздумывал, потом решительно поплыл за Лёней.

Ровно, ритмично работают руки. Точно следуют: вдох — выдох. Андрияна увлекло движение. Это — как работа. Он плыл и чувствовал, как рождалась в нём уверенность: переплыву. Они добрались до середины. Лёня продолжал плыть первым. Вдруг он повернул назад и быстро поплыл обратно.

— Что такое? Что с тобой?! — крикнул Андриян.

— Не могу! Устал! Руки сводит! — закричал Лёня. — Не переплыву! Сил не хватит!

— Стой! — разозлился Андриян. — Гляди, мы уже больше половины переплыли. Осталось плыть меньше, чем обратно. Не дури! Возьми себя в руки! Плыви за мной!

Андриян несколькими взмахами обогнал Лёню и ровно поплыл дальше. Лёня повернул за ним.

— Не сбивай дыхания! Спокойней работай руками! — командовал Андриян. — Получается?

— Получается, — ответил Лёня. — Знаешь? Руки отошли.

До берега оставалось совсем немного.

— Андриян! — крикнул Лёня. — Я устал. Не могу!

— Ляг на спину, — посоветовал Андриян. — Отдохни.

Лёня перевернулся на спину. Андриян вернулся и тихонько грёб рядом, пока Лёня отдыхал. Потом они поплыли дальше и выбрались на берег.

— Уф! — Лёня упал на горячий песок. — Не думал, что будет так тяжело. А ты не устал, Андриян?

Андриян молчал, лёжа вниз лицом на песке. Потом сказал:

— Честно говоря, думал — уже сил не хватит. Из последних плыл!

Лёня приподнялся на локтях, взглянул на Андрияна — голос его дрогнул:

— Знаешь, Ондрейка́, ты — настоящий друг.

— Спасибо, — просто ответил Андриян. — Мне кажется, каждый человек должен быть способен на дружбу. Поплыли обратно? Пора заниматься.

ВСЁ ПОПОЛАМ

Это случилось на втором курсе. Как и всем жителям города, студентам техникума выдавались продовольственные карточки на целый месяц. Было начало месяца.

Как-то вечером, возвращаясь в общежитие, Ваня зашёл в магазин. Он подошёл к прилавку и вдруг с ужасом обнаружил, что карточек у него нет. Обшарил все карманы — и не нашёл. Наверное, потерял...

Он вышел на улицу. Шёл дождь. С реки несло осенним холодом и сыростью. Не замечая ничего, Ваня брёл по улице. По низкому небу ползли лохматые тучи. На дорогах расползлась грязь. Ване казалось, что вокруг него всё черно. На душе у него было тяжело. Он так и не мог понять: текли по его лицу слёзы или это были капли дождя?

Мрачный вернулся в общежитие. Лёг на койку, закрыл лицо руками. Встревоженный Андриян подошёл к нему. Ваня рассказал о своей беде.

— Что же теперь делать? — спросил он брата.

Андриян сел рядом на койку, помолчал, опустив голову.

— Не надо об этом говорить маме. Она больна. Для неё это будет таким ударом! Как-нибудь проживём на мою карточку... — сказал он.

Ваня посмотрел в окно. Дождик кончился. Из-за рваных туч выглянуло солнце, проглянули синие лоскутки ясного неба. Ласково, дружелюбно светились глаза Андрияна: серые, потемневшие от волнения. Ваня улыбнулся — на душе стало легче.

Так и жили вдвоём на одном пайке. Было трудно. Голодно. Но они не унывали.

Анна Алексеевна узнала об этом позже.

В БЕДЕ ЧЕЛОВЕКА НЕ ОСТАВЛЯЮТ

На ферме с Анной Алексеевной работала одна женщина. Она тяжело заболела. И очень переживала, что её коровы останутся без присмотра.

— Как они там без меня, — волновалась доярка. — Привыкли ко мне, как дети. Бывало, ходят за мной. А теперь... В чьи руки они попадут? Как им от этого станет?

Сухой жар опалил её щёки, горели глаза. Ей было трудно дышать. Анна Алексеевна наклонилась к ней, мягко взяла за плечи.

— Ну, а мне ты веришь? — спросила она. — Хочешь, я стану смотреть за твоими коровами? А ты не горюй. Быстрей поправишься.

— Я знаю, ты их любишь. Тебе я верю, — сказала женщина. — Трудно мне тебя просить: дети, забот столько...

Анна Алексеевна стала ухаживать за коровами больной доярки. Работы было много. Иной раз домой некогда было сходить. Ночевала на ферме.

— Мы тебя и не видим, мама, — стали упрекать её младшие дети, Зина и Петя, — всё ты на работе. А другие не могут за тебя это сделать?

— Нельзя так, ребята, — ответила Анна Алексеевна. —

Попросил меня человек помочь. Душа у него будет спокойнее. А в беде человека не оставляют!

В техникуме в одной группе с Андрияном училась его односельчанка, Тамара Овчинникова. У неё болела мать, и Тамара старалась чаще её навещать. Как-то после занятий, как всегда, собралась в дорогу. Второпях и не заметила, что уже стемнело. Вышла на улицу и растерялась: «Идти или нет?» Страшил путь через лес.

Тут и столкнулась с Андрияном.

— Ты что, Тамара, такая грустная? — спросил он её.

— Хотела в деревню сходить. А уже темно. Не знаю, что и делать? Боюсь идти через лес, — ответила Тамара.

Андриян задумался. Он устал, был голоден. Нужно было и позаниматься, подготовиться к завтрашним лекциям. Он лихорадочно соображал, что же делать? Потом решительно махнул рукой — вспомнилось лицо матери, её улыбка, её слова: «Нельзя оставлять в беде человека!»

— Идём, провожу тебя в Шоршелы, — сказал он Тамаре.

— Что ты! Что ты, Ондрейка́! — запротестовала Тамара. — Ты устал. Я не вижу, что ли? Нет, нет — и не выдумывай!

— Кто сказал, что я устал? — чуточку краснея от того, что говорит неправду, засмеялся Андриян. — Во-первых, лекций сегодня было мало. Занимался в лаборатории. Во-вторых, мне самому нужно в деревню. Обещал маме помочь по дому.

— Ну, если так, — нерешительно сказала Тамара, хотя втайне обрадовалась, что Андриян пойдёт с нею. — Тогда пойдём. Но если только из-за меня, то не надо...

— Всё так и есть, — успокоил её Андриян. — Я просто раздумывал: идти сегодня или нет?..

...Вдвоём было веселее, темень не пугала. Всю дорогу они смеялись, вспоминая разные случаи, смешные истории, и не заметили, как добрались до деревни. Уже светало.

Войдя в дом, Андриян попросил мать напоить его чаем и собрался в обратную дорогу, — он хотел успеть на занятия.

Анна Алексеевна не на шутку встревожилась, стала журить Андрияна за этот ночной поход. Андриян сказал.

— Ты же сама учила, мама: нельзя оставлять в беде человека. Кто проводил бы Тамару домой?

— Извини меня, старую, — всплеснула руками мать. — Я сразу и не догадалась, в чём дело. Будь всегда таким, Ондрейка́. Народ уважает добрых и смелых людей.

Она проводила его до околицы. Андриян поспешно зашагал по дороге, а мать стояла и смотрела ему вслед.

ЗВЁЗДЫ ЗОВУТ

Вот и сдан последний государственный экзамен. Получен диплом об окончании техникума. Ждет работа. Интересная работа. Андриян станет лесоводом. Он будет заботиться о самом большом богатстве страны — зелёном лесе. Это и вода, и преображённые поля, и новые дома в сёлах, и тепло в доме.

Сидит Андриян перед домом. Задумался. Замечтался.

— Смотрите-ка, Андриян приехал! — раздался вдруг голос. Андриян оглянулся и увидел своего давнего товарища, Валерия.

— Приехал, — ответил Андриян. Кивнул другу: — Садись. Хорошо-то как!

Валерий присел рядом. Тоже замолчал. Над Шоршелами спустился вечер. Лениво тявкают собаки. Тянет дымком из печных труб. Мычат коровы — возвращается в село стадо. В каком-то дворе скрипит калитка. Слышны людские голоса.

— О чём ты думаешь, Ондрейка? — спросил его Валерий.

— О чём? — отозвался Андриян. — Не знаю, как тебе и сказать. Обо всём понемножку, — засмеялся он. — А по правде, даже не знаю о чём. Смотрю, вслушиваюсь в звуки. Так всё знакомо! Здесь наше детство. Жалко с ним расставаться. А с другой стороны, чего-то ждёшь: настоящей работы, новых впечатлений. Думаешь, как же всё это будет?

— Ты прав, — задумчиво ответил Валерий.

— Погуляем? — предложил Андриян.

Друзья спустились по тропинке в луга. До чего прекрасна тёплая осенняя ночь! Нежный ветерок набегает с реки Цивиль, щекочет лицо, перебирает волосы. Торопливо, суетясь, пропадает в кустах. Небо высокое, чистое, торжественное. Тремя яркими алмазами украшает его Кевенте Силдыр — созвездие Ориона. Перевернула свой ковш Большая Медведица и загадочно мерцает в бархатной глубине неба.

Вспомнилась вдруг Андрияну присказка бабушки. «Семь звёзд на небе, семь звёзд в Большой Медведице, семь раз испросишь у них счастья и получишь его», — говорила эта присказка. Маленький Андриян очень верил этому. Сейчас вспомнил и усмехнулся. Миновало то время.

Вспомнилась ему и легенда о «лунянке», когда увидел он таинственный и далёкий Млечный путь. Из кусочков своего пуха выложили его дикие лебеди, чтобы указать путь на юг раненой подруге, оставшейся на севере. Чудесная легенда! Какой глубокий смысл вложили в неё древние! О вечном огне дружбы, о великой готовности прийти на помощь ближнему говорит эта старая легенда...

— Погляди, Андриян, — схватил его за руку Валерий. — Звёзды мигают. Подмаргивают, будто манят. То вспыхнут, то — погаснут. Как чьи-то большие глаза.

Валерий смотрел в небо. Андриян тихо заговорил:

— Да, манят. Это ты хорошо сказал. У меня такое впечатление, что они зовут нас к себе. Нас — людей. Сколько тайн хранят они! Сколько неизведанного! Вот и дают сигнал: скорей, скорей!

Он опять помолчал и добавил как бы для себя:

— Зовут звёзды...

■

...Земля стремительно приближалась. Дохнуло тёплым, прогретым солнцем воздухом. И уже набежал и закачал стропы шаловливый ветерок. И он тоже был пряный, пахнущий степью.

И Андриян не выдержал, закричал.

— Эге-ге-ей! Здравствуй, ветер-ветрило! Ты первым встречаешь меня! Первы-ым!

Для младшего школьного возраста

МИХАИЛ ЮХМА

МАЛЬЧИК ИЗ ШОРШЕЛ

Перевод с чувашского
В. Синицына

Художник Ю. КОПЕЙКО

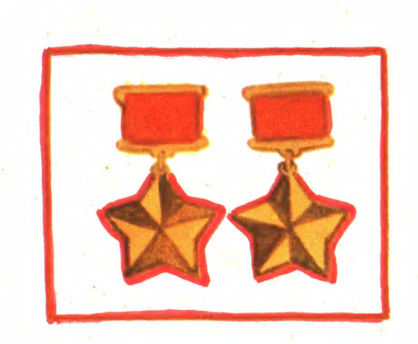

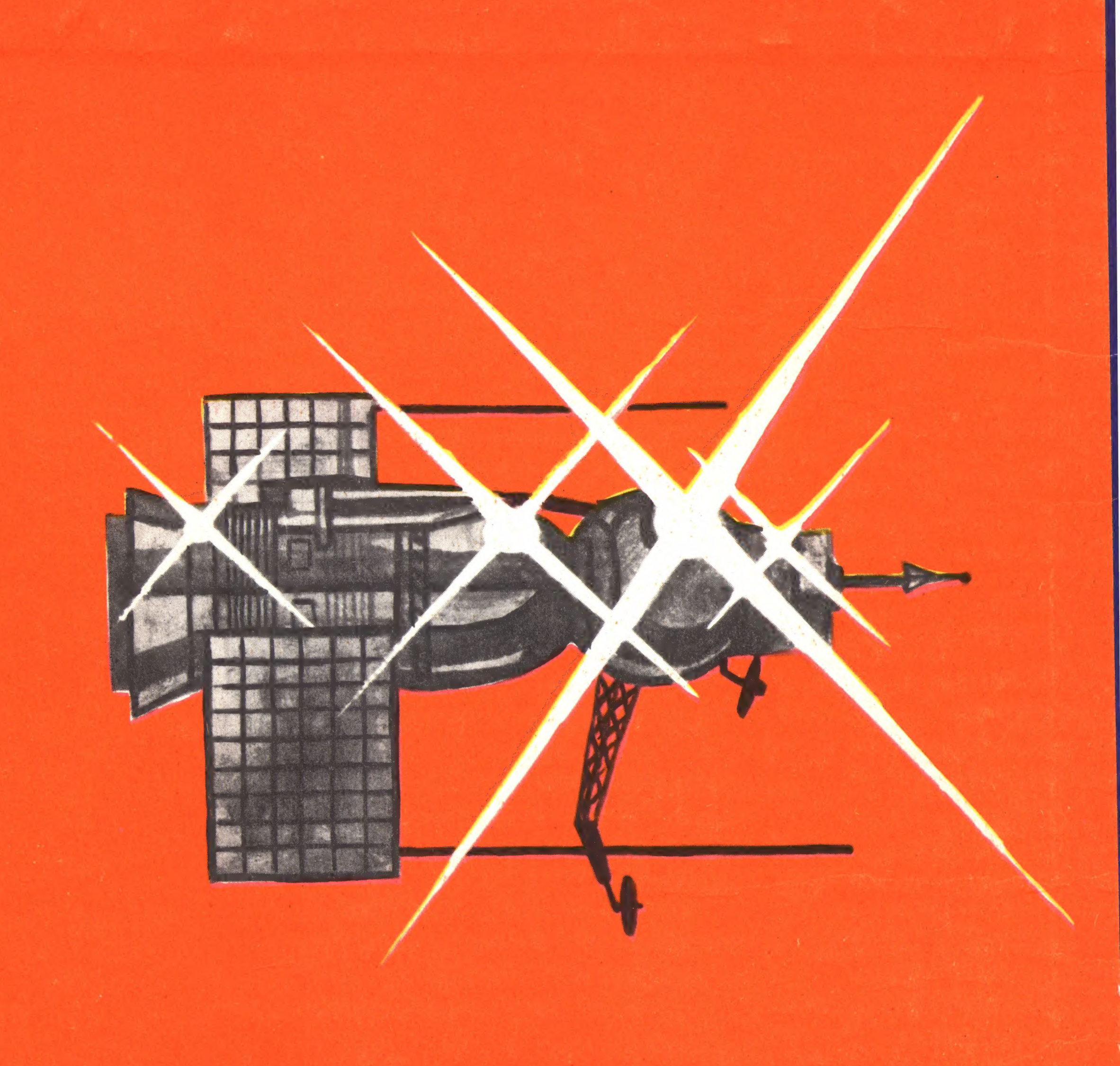
Редактор О. Лебедев
Художественный редактор Д. Пчелкина
Технический редактор О. Кистерская
Корректор Н. Шадрина.

Сдано в производство 27/I-75 г. Подписано в печать 14/VIII-75 г. Бумага офсетная № 1. Формат 84X90/16. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 6,31. Тираж 150 000. Цена 97 коп. Изд. № 625. Заказ № 472. Издательство «Малыш» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский полиграфкомбинат детской литературы имени 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Ю $\frac{70802-020}{М102(03)-75}$ 55—75

97 коп.